

СПЕЦНАЗ

ТОТ САМЫЙ КАЛИБР

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Разработка серийного оформления *М. Левыкина*

Художник *А. Соловьев*

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Тот самый калибр / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2016. — 352 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-699-92005-1

Свой боевой опыт капитан спецназа ГРУ в отставке Тимофей Страхов использует на службе в частном детективно-правовом агентстве. Однажды в его кабинете раздается телефонный звонок. Девушка-инвалид молит о защите. Она утверждает, что ее хотят убить как случайную свидетельницу громкого убийства. Спецназовец спешит на помощь. Но по указанному адресу его ждет страшный сюрприз: девушка зарублена топором и, похоже, задолго до звонка Страхову. Кто же тогда звонил в агентство? Капитан начинает догадываться, что перешел дорогу очень серьезным силам. Но спецназ ГРУ не запугать, он готов к схватке с любым противником.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-92005-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ПРОЛОГ

Я только-только вернулся с обеда и сел за стол в своем тесном кабинете, когда раздался этот телефонный звонок. Телефон у меня стоит на краю стола, у стены. Даже после обеда мне, не любителю обильно поесть (я хорошо понимаю, что производители продуктов заодно с производителями лекарств и гробов), было нетрудно дотянуться до трубки. Тем более обедал я дома, куда от места работы добирался общественным транспортом, поскольку машина моя стояла в ремонте после завершения прошлого расследования, когда я был вынужден своим маленьким юрким «Джимни» таранить большой и тяжелый седан «Мерседес» S-класса. Левая блок-фара, бампер, левое крыло, решетка радиатора, капот — все это подлежало полной замене. Требовалось проверить еще и рулевые тяги, которые могли погнуться, и сайлент-блоки, которые могли повредиться. Шаровая опора в такой ситуации, говорят, просто обязана была рассыпаться, и необходимо было сменить левый тормоз-

ной цилиндр, который перестал отпускать зажатые тормозные колодки после того, как я отпустил педаль тормоза. Видимо, один из поршней заклинило в выдвинутом состоянии. А это значило, что придется менять и тормозные колодки, потому что левая в этом случае должна стереться, а правая остаться целой. Такое положение грозит неприятностями при торможении автомобиля. Машину может просто развернуть поперек дороги в самое неподходящее время и на самом опасном участке.

Короче говоря, за время пути до места работы весь обед в моем желудке утрясся, и никакой сытой тяжести я не ощущал. И потому до трубки дотянулся без труда.

— Страхов. Слушаю вас внимательно.

— Слушаете? — вроде бы даже удивился высокий женский голос. Может быть, голос даже детский — звонкий и чистый, как колокольчик. — А приехать вы не сможете?

Однако сразу такие запросы...

— У меня машина в ремонте. Производственная травма у машины. Не могу...

— А на городском транспорте? Я неподалеку от остановки живу.

Как ни приятно звенел ее голосок, слушать его мне уже надоело, и я спросил напрямик:

— Чтобы я поехал куда-то, нужны основания. Вы требуете, чтобы я приехал, а я не понимаю зачем и по какой причине я должен к

вам ехать. Может, вы все же хоть что-то мне объясните, чтобы я уже сам решил, стоит ли мне ехать?

— Ах, да... — собеседница спохватилась. — Просто я несколько часов прокручивала в голове разговор с вами, и, когда дозвонилась, мне уже казалось, что вы в курсе всего происходящего. Извините.

— Это вы извините, — уважаю людей, которые разговаривают со мной таким тоном. И понимаю, что неумение все сразу объяснить может происходить и от общей растерянности, и от сложности ситуации, в которую человек попал. — Я не знаю, что случилось.

— А приехать вы можете? Я все расскажу вам. По телефону как-то не так получается...

— Куда приехать? — Я уже почти «сломался» от ее вежливости.

— Ко мне. Записывайте адрес...

— Я не записываю адреса, в том числе электронные, и не записываю телефоны. Я их запоминаю. Но вы, вероятно, не понимаете, куда вы обратились... Мне, по крайней мере, так кажется.

— Я обратилась к частному детективу Страхову.

— Вот именно. К *частному* детективу, сотруднику частного детективно-правового агентства. А что это за предприятие? За счет чего оно существует? Уверю вас, что из бюд-

жета области и города мы не получаем ни копейки. Наше предприятие существует исключительно на средства, которые мы сами зарабатываем. К нам приезжают люди, сначала беседуют с генеральным директором, он решает, браться за решение проблемы, с которой к нам обратились, или не браться. Если решит, что стоит взяться, то в финансово-договорной группе оформляется договор на оказание услуг. И после оплаты услуг, согласно договору, частные детективы начинают работать.

— Значит, вы только за деньги работаете?

— Конечно. Все работают за деньги.

— А просто так помочь человеку вы не можете?

— Просто так просят помощи у полиции. Работа полиции как раз из бюджета оплачивается.

— Я не могу в полицию обратиться. Я знаю, меня вот-вот должен убить полицейский.

Крутое предположение! Но паники в голосе нет.

— Интересное дело. Тогда вам следует обратиться в прокуратуру.

— Я никуда не могу обратиться. Я не могу квартиру покинуть. Я инвалид и сижу в инвалидной коляске. Мне даже до ближайшего магазина добраться — проблема. За продуктами мне ходит женщина из «соцопеки» или соседка.

— Извините, — мне стало стыдно, что я упорно хотел заставить инвалида добраться-

ся до агентства и оплатить работу, которую мне предлагали выполнить. Я только сейчас понял, что меня просят, по большому счету, даже не о работе, а о защите, хотя и не слишком откровенно. И я вспомнил, что я, хотя и уволен в отставку по инвалидности, но все же уволен с правом ношения мундира и наград. И награды эти я получил за то, что людей защищал. А сейчас отказываю в помощи малоподвижному инвалиду. Вообще иногда я прихожу к выводу, что из-за моего дурного характера люди не могут понять, как я их всех люблю. Но переформатироваться у меня, боюсь, уже не получится. — Извините меня, — еще раз сказал я.

Самые простые слова часто доходят до людей лучше, чем пространные объяснения.

— Это вы меня извините. Я сразу не сказала, словно вы все обязаны знать.

— Так что с вами случилось? Кстати, вас зовут...

— Лида Мальцева. Со мной пока еще ничего не случилось. Но случиться может. Дело в том, что я днями просиживаю в своей коляске на балконе. У меня балкон большой. Правда, он на три квартиры один, но большой. Соседи сделали мне специальный заезд. И я выезжаю на балкон. Просто дышу воздухом. Читаю там. Три дня назад я, как всегда, сидела на балконе. И увидела по другую сторону двора, двор

у нас небольшой, дома плотно стоят, вот я и увидела, как в квартире напротив полицейский свою жену убивает. Вы слышали, наверное, про это дело...

Признаться, я даже в тех случаях, когда работаю в сотрудничестве с капитаном Саней, не интересуюсь другими делами, которые она ведет. А она, как всякий сотрудник уголовного розыска, одновременно расследует от трех до пяти дел.

— Нет, не слышал.

— Даже по телевизору показывали, и в Интернете про это было...

— Телевизор я вообще не смотрю принципиально, даже не держу его дома. А в Интернет в последние дни выходил только по необходимости. Я был сильно занят по работе.

— Извините, это для нас, инвалидов, телевизор — окно в большой мир. Нам другого не дано. Простым людям это, наверное, и не нужно.

Я не стал сознаваться, что я тоже инвалид, хотя и достаточно подвижный. Даже более подвижный, чем большинство людей не инвалидов. Хотя и нахожусь в настоящее время не в самой лучшей форме. У меня сломаны три ребра и основательно повреждена голова. Ребра ломали пули, застрявшие в бронежилете скрытного ношения, а голова пострадала от удара кастетом. Но я не стал брать больничный

лист, хотя вполне мог бы себе это позволить. Врач в гарнизонном госпитале безоговорочно сказал, что у меня есть небольшое левостороннее сотрясение мозга и мне нужен покой. Я оставил пожелание покоя на совести врача. Пусть ему покой снится. У меня на это времени даже во сне не отведено. И в более тяжелых условиях с легким сотрясением мозга я не думал об отдыхе. Подумаешь, головная боль... Поболит и перестанет. Тем более сотрясение легкое.

Особого дискомфорта я не испытывал. Иногда слегка подташнивало, иногда несильно голова кружилась, и постоянно катались в области виска бильярдные шары. Катались и бились друг о друга с треском. Я легко научился не обращать на это внимание. Больше беспокойства мне доставляли ребра. Да и то не целый день, а только на утренних занятиях, как я их называл, по ОФП. То есть по общефизической подготовке. Глубоко дышать и резко двигаться из-за боли в ребрах было сложно. И я даже пошел на то, чтобы сократить время каждой утренней пробежки вдвое, и боксерский мешок избивал с меньшей интенсивностью, при этом вообще не нанося акцентированных ударов. Просто оттачивал траекторию движений всего тела, от пальцев ноги до бьющей поверхности кулака. Тоже, естественно, с болью, но без резких движений это было терпимо. Ну,

и обезболивающие таблетки принимал. Это, кстати, единственный вид таблеток, которые меня можно заставить принимать. Кроме того, я хорошо знал, что боль со временем становится привычной, и на нее внимания не обращаешь. А потом, когда ее не будет, состояние будет казаться даже странным. Как это так — без боли жить?

— Я вас понимаю, хотя думаю, что телевизионный мир заметно разнится с миром реальным. Особенно новостной и киношный телевизионные миры. Но давайте вернемся к событиям, о которых вы рассказывали. Вы кому-то сообщили, что стали свидетелем убийства?

— Нет. Я испугалась и спряталась. Просто кресло-коляску развернула спиной ко двору. Если бы тот полицейский в окно посмотрел, он увидел бы только мой затылок и не подумал, что я стала свидетелем. А сегодня утром я увидела, как он мой балкон и меня в бинокль рассматривает. За шторой встал и выглядывает. У меня ноги не ходят, но зрение хорошее. Я его хорошо увидела. Теперь боюсь, он меня убьет, как жену, топором... Он ее топором зарубил...

— Время не запомнили, когда он из окна в бинокль смотрел?

— Я специально на часы посмотрела. Было десять двадцать семь.

— Полностью уверены, что это был именно он? Он же за шторкой прятался...

— Потом он вышел. Уже без бинокля. И в мою сторону уже не смотрел. Я узнала его...

— Хорошо. А от меня вы что хотите?

Мой вопрос был естественным. Она, похоже, не понимала, что я не имею возможности у нее поселиться.

— Защиты... Я надеюсь, что вы сможете меня защитить. Или того полицейского арестовать...

— Говорите свой адрес, я приеду к вам, поговорим и решим, что можно предпринять. Вы не пугайтесь, у нас законом предусмотрены меры по защите свидетелей. Вас всегда можно будет спрятать до суда, пока убийцу не отправят «по этапу». Говорите адрес...

Она назвала адрес, я запомнил. Это было почти в центре города, в старом районе, построенном еще до революции. Когда-то это и был настоящий центр. Добраться туда даже без машины было несложно.

— Так вы приедете? Мне ждать?

— Буду у вас минут через сорок. Раньше, думаю, никак не успею.

— Только у меня нечем оплатить вашу работу. Вы это понимаете?

— Если бы счастье было в деньгах, я всю жизнь был бы несчастным человеком. И потому я привык... Не люблю и не хочу быть несчастным...

* * *

В данном случае я уже пожалел, что не пожелал «болеть» и восстанавливаться, лежа на диване. Вообще-то я люблю лежать на диване так, словно собираюсь завтра продать его. Так лучше отдыхается. Наверно, при хорошем отдыхе и восстановление пойдет быстрее. И при наличии больничного листа никто не спросил бы меня, чем я занимаюсь. Тогда бы я мог без проблем приступить к разборкам по этому делу и сумел бы, возможно, принять меры по защите женщины-инвалида. И никто не укорил бы меня за бесплатную работу. Я хорошо помню, что меня уже предупреждали еще при устройстве в систему частного сыска, что любые расследования, стороной идущие мимо бухгалтерии агентства, не приветствуются, хотя порой случаются по личным или дружественным обстоятельствам. И сейчас, хмурясь так, как никогда обычно не хмурюсь, я пошел к секретарше генерального директора.

— Шеф меня не спрашивал?

— Нет. Он сейчас, кажется, свободен. Можете зайти.

— Нет. Я сейчас поеду на иглоукалывание, надо сломанные ребра восстанавливать. А то дышать трудно. Если спросит, скажи ему, где я.

— Хорошо, Тимофей Сергеевич.

— Если спрашивать не будет, можешь не говорить.

— Что так?

— Боюсь, мне каждый день придется на сеансы ездить. Чем позже Петр Васильевич об этом узнает, тем лучше. Больных сотрудников нигде не любят.

— Да, выглядите вы усталым. Давление измерить? У меня тонометр есть.

— Мне в госпитале измеряли.

— И что?

— Сто шестьдесят на сто было.

— И что сказали?

— В госпиталь уложить пытались.

— А вы?

— А я, как всегда, не сдался.

— А что посоветовали? Лекарства какие-то...

— Предложили срочно отказаться от коньяка.

— А вы?

— Я пообещал перейти на водку. Короче говоря, Петр Васильевич будет спрашивать, скажи, как просил...

Она согласно кивнула. А я сначала вернулся к себе в кабинет, включил принесенный с собой ноутбук, подключился к местной сети Wi-Fi, чтобы не тратить деньги с USB-модема, и, прежде чем позвонить капитану Сане, вошел в сеть городского управления внутренних дел с ее паролем и в разделе «Расследования» быстро нашел нужные материалы.